

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

«Шал»: шифры и знаки

Фильм «Шал», режиссёр Ермек Турсунов, в главной роли Ерболат Тогузаков
Фильм «Шал» известного казахского поэта, кинодраматурга и режиссёра Ермека Турсунова в 2013 году был номинирован на «Оскар». В статье «Шифры и знаки кинокартины «Шал» в определённой степени раскрыты философские понятия Пространства и Времени данного фильма.

Образ Степи вбирает в себя философские понятия пространства и времени. В космосе жизни кочевника с авиабилетом всегда отводилось достойное место творческой личности, если, разумеется, присутствуют сам Дух великой Степи, сам ландшафт, сама природа, воспетая из века в век, из поколения в поколение.

В пространстве Степи, в данном случае в пространстве этой картины, существуют и некие декартовы координаты – эти самые икс, игрек, зет, где от причины зависит следствие, или, говоря языком математиков, от переменной точки отсчёта икс зависят и творческие игрек и зет. Это все шифры и, я бы сказал, знаки восприятия. И если Декарт сам, с точки зрения философии «мыслю, следовательно, существую», объяснил свои координаты, то создатель фильма «Шал» перемежает свет нашей памяти с печалью нашего беспамьяства. И здесь само время относит бытие к небытию. Почти по Достоевскому.

Разумеется, от причины творчества создателя зависят и сюжет, и интрига, и повествовательное действие, одним словом – следствие. И создатель в этой системе координат нашего бытия является, на мой взгляд, часовщиком, которому дано полное право образно передвигать стрелки нашего хронометра, ибо, по сути вещей, время, календарь есть покушение на свободу личности, на свободу творчества, так как эта условность времени суток, месяцев календаря сковывает, навязывает нам свои законы существования, свои правила реального мира. Но, подчёркиваю, только в виртуальном мире – в произведении, кино или литературе, не имеет значения – у автора, у создателя может быть осень, когда на улице весна, день – когда за окном ночь, степь и аул на двадцатом этаже небоскрёба, ибо во всём этом есть и четвёртое измерение, четвёртая координата. Это душа и талант создателя. В нашем случае – Ермека Турсунова. Мастера в данной системе творческих координат. И нет здесь никакого мотива Хемингуэя, просто отдалённое родство по библейским сюжетам. Скелет большой рыбы, смутно напоминающий крест рыбака в финале повести, и агнцы в образе реальных ягнят и мальчика в кинокартине. Там акулы в стихии своих прав на добычу, а здесь – возмездие со стороны волчицы...

Есть одна развёрнутая метафора в фильме. Это когда просыпается нечто волчье в образе и взгляде Шала. Если несколько переиначить известную сентенцию, то можно подать в виде определённой формулы: хорошо, когда волк – друг человека, но плохо, когда друг человека – волк.

Именно внутри этой формулы есть и тождество волка-тотема многих народов, и литературный образ волчонка и волчицы из произведений Джека Лондона, Мухтара Ауэзова и Чингиза Айтматова.

И при относительном хеппи-энде возникает серьёзное опасение, что и в мальчике со временем проснётся именно волчий оскал, ибо «волчат уже не защищает мать». И ещё далеко неизвестно, чью сторону примет он в будущем – охотников на волков или Шала. Особенно в наше время, время разительного расслоения общества. В этом я вижу и шифр фильма, и даже код к этому шифру.

Кстати, о расслоении общества. Я не думаю, чтобы такие структуры, как МЧС, МВД, военные, искали бы Шала в аналогичной ситуации. Они ищут своих, может быть, замакима, зампрокурора, начальника, бизнесмена и других охотников на волчицу Степи. А Шала ищут свои, всем хабаром, всем аулом, то есть простые люди Степи.

В транзитный период нашего бытия остаётся только память, великая память в наших сердцах и в наших душах. Она и питает творчество Ермека Турсунова, она и открывает врата Вечности, где хранится на встречные века всё то, чем и должно наполняться «умное число» цифровых технологий, ибо, по Николаю Гумилёву, «... а для низкой жизни были числа, как домашний, подъяремный скот, потому что все оттенки смысла умное число передаёт».

Зная не понаслышке о судьбе главного исполнителя фильма «Шал» Ерболата Тогузакова (будучи с ним очень близко знаком ещё с начала 70-х годов прошлого столетия), а также о трагической кончине его отца, известного поэта, переводчика и литературного секретаря Жамбыла Касыма Тогузакова, я смело могу утверждать, что с выбором исполнителя главного героя режиссёр картины попал в цель, как говорится, не видя цели. Это редкое качество таланта режиссёра и его творческой интуиции.

В данный период он работает где-то над заключительным фильмом триптиха – «Келин», «Шал», «Кенже», – где, возможно, также будут даны шифры и знаки нашего времени, времени, где художник, творец, любая творческая личность должны быть всегда в оппозиции. В оппозиции к самому себе, в силу своей многовековой памяти приходиться к принципиальному решению – принимать или не принимать те или иные правила быта и большой игры. Кстати, эти правила реального мира были всегда в ходу – и в прошлые века, и в наше время, в этот самый транзитный период. Суть в другом – в самом стержне творчества и степени таланта создателя. И «Келин», и «Шал» дают

своеобразный «узел кущения», из которого вызревают зёрна настоящей дискуссии.

Фильм, на мой взгляд, создан на основании элементов остаточной памяти. И в той самой системе координат, о которой упоминалось выше, можно определить и охотников, мчавшихся в джипах навстречу своему бесславному концу, и смерть овец и волчат, и «айналайн»-кружение с постоянным возвратом к древнему святому дереву, и мусор космоса – останки ракет. И всё это покрывает язычество великого тумана, в котором неизвестна, не угадывается грядущая судьба мальчика, а также удаляющаяся в белёсый закат волчица с волчонком.

Акценты слегка смещены, но почти расставлены.

По времени и пространству.

По праву творца.